

— Что это значит? — спросила она.

— Этот музыкант Юнь — уроженец Нинчжоу! И в повседневной жизни он предпочитает носить белые одежды, — Шань Хуэй выговаривала каждое слово с расстановкой, а в её глазах разгоралось исступленное торжество.

— Выходит, принц был одет в одежду музыканта Юня, — Великий наставник Чжао тоже внутренне содрогнулся. — Это дело чрезвычайной важности!

Согласно обычаям династии Дуань, нательное бельё членов императорской семьи Мужун строго запрещено менять между собой. Если же обмен произошёл, это негласное признание в наличии интимной близости.

— Не только одежда, — добавил Великий наставник Чжао, — на коже у воротника принца остался красный след. Цвет глубокий, за несколько дней он не сойдет.

— Принц еще молод и, решив, что я уже повержена, потерял бдительность и позволил себе такую дерзость, — усмехнулась Шань Хуэй. — Завтра нас ждет отличное представление!

Наступил следующий день.

Обычно пустынный Двор Возвращения Сердца внезапно ожил. Император в сопровождении свиты и чиновников Далисы прибыл во двор. Помещения здесь были слишком тесными для такого количества людей, поэтому прямо посреди двора установили трон, решив проводить допрос под открытым небом.

— Госпожа Шань, если вы искренне раскаиваетесь, то расскажите всё как есть о том, как вы оклеветали Императрицу. Это поможет смягчить ваше наказание, — мягко увещевал евнух Ань.

Шань Хуэй, одетая в простую белую рубаху, выглядела жалко. Она уже успела выплакать все глаза и, всхлипывая, произнесла:

— Ваше Величество, я осознаю свою вину. Я была одержима злыми духами, заслуживаю смерти тысячи раз.

Затем она принялась с искренним чувством рассказывать о своей преданности и любви к Императору, и слушатели невольно прослезились.

— Я всегда глубоко почитала Императрицу. И если я совершила такой тяжкий проступок, то не из-за неуважения, а потому что слишком долго благоговела перед ней, а потом вдруг почувствовала, что она уже не так достойна уважения, как прежде, и от этого родилась ненависть...

— Его Высочество принц мог бы стать великим правителем, но, к сожалению... Я видела это и слишком тревожилась, отчего и совершила роковую ошибку...

— К сожалению, что? — Император, заметив, что она говорит уклончиво и намекает на нечто большее, поспешил задать вопрос.

— Ваше Величество, раз уж я стою на пороге смерти, я обязана сказать правду, — Шань Хуэй собрала с духом, подняла голову, выпрямила спину и, глядя прямо в глаза Императору, произнесла по слогам: — Я оклеветала Императрицу, и это преступление заслуживает смерти, но сделала я это исключительно ради принца!

— Вот уж странно, как клевета на Императрицу может быть благом для принца? — недоумевал евнух Ань.

— Хотя Императрица мудра, в воспитании принца она совершила ошибку, — ответила Шань Хуэй.

— Дерзость! Как ты смеешь вмешиваться в то, как Императрица воспитывает наследника? — вскричал Император.

— Я знаю, что лезу не в свое дело, но у меня были добрые намерения, я не могла смотреть, как принц совершает ошибку, — продолжала Шань Хуэй. — Ради личных чувств принц не побоялся нанести вред своему драгоценному здоровью! А Императрица лишь потакала ему, я просто не могла этого вынести...

При словах драгоценное здоровье все присутствующие насторожились. Каждый знал, что принц недавно тяжело заболел и едва не скончался. Это было событие государственного масштаба.

— Шань Хуэй, говори яснее! — рявкнул Император.

— Насколько мне известно, принц вовсе не был болен! Он сам себя отравил! — каждое слово Шань Хуэй вонзалось в сердца слушателей, словно стальная игла.

Сам себя отравил? Зачем? Кто станет так пренебрегать своей жизнью и калечить собственное тело? Тем более во дворце, где жизнь каждого принадлежит Императору. Самоубийство — тяжкое преступление, самовольное присвоение того, что принадлежит государю.

— Почему Его Высочество решился на такое? — допытывался евнух Ань.

— Ради музыканта Юня! — ответила Шань Хуэй.

Снова этот музыкант Юнь!

— Некоторое время назад принц и музыкант Юнь прощались в Нинчжоу, и Юнь категорически отказался ехать в Шанцзин, — продолжала она. — Принц, обезумев от тоски, решил заманить его хитростью: он отравил себя, слег в постель и под этим предлогом приказал доставить музыканта во дворец!

Все были потрясены. До этого момента все считали, что музыкант Юнь — благодетель, вырвавший принца из лап смерти, а оказалось, что он — источник бед, причина всего случившегося!

— Абсурд! — возмутился Император. — Если принц действительно вел себя столь безрассудно, почему же Императрица не остановила его?

— Не знаю, помнит ли Ваше Величество, — тихо проговорила Шань Хуэй, — принц слег после того, как выпил отвар, рецепт которого Императрица написала собственноручно!

Зимой во дворце каждый, даже здоровый человек, ежедневно выпивал чашу укрепляющего отвара. Императрица славилась своей образованностью и познаниями в медицине, поэтому она сама составила рецепт и передала его в аптеку дворца Юаньхэн. Принц выпил отвар и слег.

— Госпожа Шань, ты не только не раскаиваешься, но и смеешь клеветать на Императрицу! — поспешно прервал её евнух Ань. — Кто не знает, что все отвары из аптеки сначала пробуют евнухи! После того как принц заболел, Ваше Величество приказало тщательно проверить тот отвар, в нем не было никакого яда, и евнухи остались живы и здоровы!

— Благовония, — закрыв глаза, произнесла Шань Хуэй.

— Благовония?

— В покоях Императрицы круглый год жгут сандал, — пояснила она. — А в том укрепляющем рецепте был семена кассии. Сандал и семена кассии при соединении становятся смертельным ядом! Когда евнухи пробовали отвар, Императрица не зажигала сандал, а когда принц принимал лекарство — зажгла!

— Имперский лекарь, что скажешь? — Император повернулся к стоявшему рядом врачу.

— Это... В медицинских книгах действительно сказано, что сандал и семена кассии несовместимы, их совместный прием опасен для жизни, — неуверенно ответил лекарь. — Но поскольку никто не рисковал проверить, неизвестно, правда ли это.

— Я и Ляньсинь готовы испытать это на себе! — выпалила Шань Хуэй.

— Если испытание проведет Ляньсинь, боюсь, результат будет недостоверным, — раздался голос из-за спины толпы. Все обернулись и увидели самого принца!

Мужун Нань, полностью выздоровевший, прибыл во Двор Возвращения Сердца, взяв с собой лишь пару слуг. Рядом с ним шел человек в белых одеждах и с белой вуалью на лице — это был музыкант Юнь.

— Смесь сандала и семян кассии крайне ядовита, это четко написано в книгах! — настаивала Шань Хуэй. — Только приговоренный к смерти может проводить такой опыт. Мы с Ляньсинь уже совершили тяжкие преступления и знаем, что нам не выжить, поэтому готовы испытать яд.

— Хорошо, пусть Ляньсинь проводит опыт! — приказал Император.

Евнух Ань велел приготовить отвар по рецепту Императрицы, в темной комнате зажгли сандал, и Ляньсинь вошла внутрь. Она не выказала ни капли страха, выпила отвар в облаке сандалового дыма и вскоре упала без чувств!

Лекари унесли Ляньсинь в спальню, а на губах Шань Хуэй заиграла победная улыбка.

— Безумие! — Император был в ярости и смятении. — Зачем Императрице травить собственного сына?

— Я бы никогда не совершила подобного! — раздался голос Императрицы. Она подошла в окружении свиты, и в её тоне сквозило гневное недоумение. — Шань Хуэй, ты поистине неисправима!

— Причина проста. Императрица не похожа на обычных людей, она живет чувствами, — холодно усмехнулась Шань Хуэй. — Она не жаждет власти и денег, её страсть — поэзия и искусство, она ищет лишь истинных чувств!

Все замолчали, вынужденные признать правоту Шань Хуэй: Императрица всегда держалась отстраненно и высокомерно, интересуясь лишь литературой.

— Увидев, что принц тоскует по музыканту Юню, Императрица, одобрив это чувство, пренебрегла интересами государства и помогла принцу разыграть этот спектакль! — заявила Шань Хуэй. — Для неё всё остальное — лишь прах, даже жизнь, репутация и статус принца не имеют значения!

Император хранил молчание.

— Ваше Величество, я видела всё это и не могла найти себе места от тревоги, но не имела сил остановить их, — Шань Хуэй залилась слезами. — Такая нерадивая, оторванная от мира

Императрица не только не направила принца на путь истинный, но и потакала его ошибкам! Я хотела лишь защитить репутацию принца, поэтому и оклеветала Императрицу... Я виновата! Мне следовало с самого начала выложить всю правду!

Её слова, какими бы шокирующими они ни были, звучали логично и убедительно.

— Госпожа Шань, ты утверждаешь, что между принцем и музыкантом Юнем есть порочная связь, есть ли доказательства?

Выражение лица Шань Хуэй стало еще более праведным.

— Об этом не мне говорить, весь дворец — свидетель, — её взгляд скользнул по служанкам и евнухам.

Все присутствующие невольно задумались о том, что видели в последние дни. Юнь Вэйчжи был невероятно красив, его облик казался неземным; принц, чья болезнь была безнадежной, внезапно пришел в себя после того, как музыкант Юнь сыграл на гуслях; с момента прибытия во дворец Юаньхэн они жили в одних покоях и спали на одной кровати. Не говоря уже о том, как позавчера принц бросился в ледяную воду, чтобы спасти музыканта.

Все молчали. Император, конечно, не был слеп. Вспомнив всё произошедшее, он пришел в ярость.

— Непутевый сын! — он указал пальцем на Мужун Наня, его руки дрожали. — Будучи наследником престола, ты должен был стать мудрым правителем, а вместо этого... ты опустился до такой низости! Попрал нормы морали, опозорил предков! Если бы ты просто развлекался, я бы еще закрыл глаза, но ты ради какого-то любовника не побоялся сговориться с Императрицей и калечить собственное тело! Ты не достоин быть моим сыном!

— Он не любовник, — холодно ответил Мужун Нань. — Отец, когда чувства достигают предела, живой может умереть, а мертвый — воскреснуть. Вы этого не поймете.

— Ты! — Император едва не лишился чувств от гнева.

Для Мужун Наня слово любовник было оскорблением. Юнь Вэйчжи был его божеством. Принц с детства был окружен почетом, но ничто никогда не трогало его сердце. До тех пор, пока его не сослали в Нинчжоу, где он, пятнадцатилетний, раненый в засаде, лежал у ручья, слушая лишь цикад и думая, что умрет здесь. Он не боялся смерти, он жалел лишь о том, что за всю жизнь не встретил никого, кому мог бы доверить свое сердце.

А потом появился Юнь Вэйчжи.

Мужун Нань, привыкший быть высокомерным и властным, рядом с ним хотел лишь стать

бамбуковым листом, запутавшимся в его волосах или придавленным его ногой.

— Все эти грехи начались из-за него, — Император гневно усмехнулся. — Тогда я прикажу казнить его.

— ... — Мужун Нань молча заслонил собой Ли Юэбай.

— Я слышала, что любовная тоска излечима, — торжествующе улыбнулась Шань Хуэй. — Стоит лишь на глазах у принца разрубить музыканта Юня на куски и скормить их дворцовым собакам и кошкам, и болезнь принца пройдет.

В поле зрения, в правом нижнем углу, таймер смерти сменился на единицу. Остался всего один день жизни.

Ли Юэбай разозлился. По-настоящему разозлился.

Вы считаете, что меня здесь нет? Смеее угрожать Юнь Вэйчжи, спрашивали ли вы Мужун Наня? А главное, спрашивали ли вы меня? Если учитель Бай не проявляет характера, вы принимаете его за больного кота?

Ли Юэбай слегка кашлянул.

— Ваше Величество, моя жизнь не стоит упоминания, но это дело касается репутации императорской семьи, — он спрятал мягкую улыбку, с которой обычно не расставался, и его лицо стало холодным, как лед. — Позвольте мне сказать несколько слов.

— Теперь, когда всё зашло так далеко, что ты еще можешь сказать? — усмехнулась Шань Хуэй.

— Между мной и Его Высочеством нет никакой интимной связи, — твердо произнес Ли Юэбай. Скрытый за вуалью, он мог не притворяться, что теряет сознание. — Мы спали на одной кровати лишь для того, чтобы обсуждать теорию музыки. Я проскакал тысячи ли, чтобы спасти Его Высочество, — это долг дружбы, а то, что он прыгнул в ледяное озеро ради меня — тоже проявление этой дружбы.

Все были ошеломлены. В мире не было никого более бесстыдного, способного так нагло лгать в глаза.

— Если совместный сон — это близость, то как же быть с древними мудрецами, которые часто спали на одной циновке, обсуждая великое Дао? Неужели их тоже нужно очернить подобными домыслами? — добавил Ли Юэбай.

— Смешно! — расхохоталась Шань Хуэй. — А как ты объяснишь вчерашние события в

императорском кабинете?

— Вчера Его Высочество помогал Вашему Величеству в государственных делах, даже если не считать это заслугой, это точно не проступок, — Ли Юэбай притворился недоумевающим.

— Принц был одет в белую нижнюю рубаху музыканта Юня, сшитую из шелка Нинчжоу! — воскликнула Шань Хуэй. — Всем известно, что только после интимной связи можно носить одежду друг друга.

— Ты об этом? — Мужун Нань с холодным лицом закатал рукав черного халата, обнажив белую рубаху.

— Именно! — глаза Шань Хуэй загорелись. — Именно о ней! Видно, принц так любит одежду музыканта Юня, что не сменил её даже сегодня!

— Ошибаешься, — холодно ответил Мужун Нань. — Эта одежда не принадлежит брату Юню.

— Если не его, то чья же? — Шань Хуэй задыхнулась от возмущения.

— Три года назад отец получил отрез белого шелка из Нинчжоу и приказал сшить из него одежду для меня, — улыбнулся Мужун Нань. — Я не люблю белый цвет, поэтому она просто лежала, я ни разу её не надел.

— Тогда... почему ты вдруг её полюбил? — Шань Хуэй потемнело в глазах.

— Дар отца, как я могу его не любить? — ответил принц.

Император нахмурился, кашлянул, вспомнив, что действительно дарил такой шелк, и его гнев немного поутих.

— Ваше Величество, я не смею гадать, но есть еще одна улика! — Шань Хуэй указала на воротник Мужун Наня. — Там, внутри, следы любовных утех! Принц каждую ночь делит постель с музыкантом Юнем, что это, если не доказательство?

— Это? — Мужун Нань слегка потянул за воротник, обнажив темно-красное пятно, похожее на след от укуса.

— Да, именно этот след! — прошипела Шань Хуэй.

Мужун Нань обмакнул рукав белой рубахи в вино, которое держала служанка, и несколько раз потер пятно. Оно исчезло, а на белой ткани остался лишь красноватый отпечаток.

— Писал каллиграфию, случайно испачкал киноварью и охрой, — равнодушно ответил принц.

— ... — Шань Хуэй не знала, что ответить. В голове была пустота — ощущение точно такое же, как в прошлый раз, когда её разоблачили!

— И правда, Ваше Величество, стоит подумать, — вмешался евнух Ань. — Может быть, между принцем и музыкантом Юнем всё совсем не так, как говорит госпожа Шань?

— Хм, а если и так, что с того? — усмехнулась Шань Хуэй. — Даже если в кабинете всё было не так, Императрица и принц сговорились, чтобы нанести вред своему здоровью, и виновник всему — музыкант Юнь!

Императрица была в ярости, слуги — в страхе. Потакать сыну в отравлении ради того, чтобы заманить любимого человека — такая Императрица была редкостью в истории.

— Ошибаетесь, — сказал Ли Юэбай. — Императрица и Его Высочество никогда не делали ничего подобного!

— Как же нет? — спорила Шань Хуэй. — Рецепт написала Императрица, в книгах сказано, что семена кассии с сандалом ядовиты, всё очевидно!

— Раз уж речь зашла об этом, позвольте мне исправить некоторые заблуждения. В народных медицинских книгах много ошибок. В некоторых даже пишут, что персики и дыни нельзя есть вместе... Это пугает людей, заставляет их сомневаться во всем, — сказал Ли Юэбай. — Даже труды известных мастеров со временем могут стать неточными. Я смею утверждать: семена кассии и сандал не вызывают отравления! Лекарь только что подтвердил, что случаев не было.

Учитель Бай и сам не ожидал, что современные слухи из соцсетей о несовместимости продуктов оживут в этом мире. Похоже, человеческая глупость везде одинакова.

— Ляньсинь! Ляньсинь только что пробовала лекарство! — Шань Хуэй бросилась к спальне, указывая на отравленную девушку. — Столько глаз видели, что после приема отвара ей стало плохо!

— Пфф... — Ли Юэбай не сдержался и рассмеялся.

— Стоишь на пороге смерти, а еще смеешься? — возмутилась Шань Хуэй.

— Разве Ляньсинь не пила отвар? — сурово спросил Император.

— Мы виноваты, — несколько врачей переглянулись и вышли вперед, прося прощения.

— Разве это не вы готовили отвар для Ляньсинь? В чем ваша вина? — спросил Император.

— Его Высочество принц тайно приказал нам не варить настоящий отвар по рецепту Императрицы, а дать ей просто воду с коптисом. Семена кассии мы не добавляли, но сандал действительно жгли, — дрожа, ответили они.

Приказ принца, конечно, был приказом Ли Юэбая.

— Что? Ляньсинь пила поддельное лекарство? — евнух Ань был в шоке.

— То, что она выпила, не имело ничего общего с рецептом Императрицы, но она все равно упала в обморок, — сказал Ли Юэбай. — Либо она притворилась, либо тайно приняла другой яд, чтобы оклеветать Императрицу.

В очередной раз клевета была разоблачена! Шань Хуэй дрожала всем телом, готовая упасть в обморок.

— Если Ваше Величество не верит, можно попробовать еще раз. В этот раз с настоящим отваром, я готов стать испытуемым, — предложил Ли Юэбай.

Конечно, с ним ничего бы не случилось.

— Шань Хуэй, ты снова оклеветала Императрицу и принца, как ты оправдаешься? — спросил Император.

— В конце концов, я просто сгнию здесь, в этом Дворе Возвращения Сердца! — видя, что план провалился, Шань Хуэй перестала притворяться и холодно усмехнулась. Пока жив Великий наставник Чжао, способ найдется. Если фракция Императрицы избежала кары раз, два, смогут ли они избежать её в третий или четвертый раз?

— Впрочем, слова Шань Хуэй навели меня на мысль, — Ли Юэбай поклонился Императору. — Здоровье Его Высочества всегда было крепким, почему же он внезапно тяжело заболел, и никто не мог найти причину?

Атмосфера мгновенно накалилась. Неужели музыкант Юнь сейчас назовет истинную причину болезни принца? Все напряженно ждали.

— Да, кто-то действительно отравил Его Высочество, — Ли Юэбай выговаривал каждое слово.
— Конечно, это не Императрица и не сам принц.

— Кто же тогда?

<http://bllate.org/book/19096/1875419>